

BOY
R

Книги Джонатана Сафрана Фоера

ПОЛНАЯ ИЛЛЮМИНАЦИЯ
ЖУТКО ГРОМКО
И ЗАПРЕДЕЛЬНО БЛИЗКО
ВОТ Я

МЯСО. EATING ANIMALS
ПОГОДА — ЭТО МЫ

В ОТ Я

ДЖОНАТАН САФРАН ФОР

Перевод Николая Мезина

МОСКВА
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф74

Jonathan Safran Foer
HERE I AM

Copyright © 2016 by Jonathan Safran Foer
All rights reserved.

Перевод с английского *Николая Мезина*
Художественное оформление *Ирины Нюренберг*

Президентская речь из главы «Ничто не вне политики» —
переработка речи, произнесенной президентом Обамой в 2010 г.
после землетрясения на Гаити.

Стихотворные строки, процитированные в Части VII, взяты из стихотворений
Франца Райта «Год первый» и «Прогресс».

Подкасты, которые слушает Джейкоб, вдохновлены радиoproграммами
Radiolab, Invisibilia, 99% Invisible, и Hardcore History Дэна Карлина.

Эта книга — художественное произведение. Имена, персонажи, названия
организаций и ситуации вымышлены автором и служат элементами
сюжета. Любые совпадения с реальными событиями и существующими
в действительности местами, организациями и людьми, ныне живущими
или покойными, полностью случайны.

Фоер, Джонатан Сафран.

Ф74 Вот я / Джонатан Сафран Фоер ; [перевод с английского
Н. Мезина]. — Москва: Эксмо, 2022. — 640 с.

ISBN 978-5-04-160570-4

Семейная жизнь Джейкоба и Джулии Блох распадается на части. Дедушка Джейкоба не хочет уходить в дом престарелых. Трое сыновей требуют внимания и задают неудобные вопросы. Любовная интрижка вот-вот раскроется.

Разлад воспринимается не просто как несчастье — как конец света. В то время как Джейкоб и Джулия цепляются за свой брак и учатся снова друг друга слышать, мощное землетрясение сотрясает Ближний Восток и приводит к вторжению в Израиль. Глобальное внешнее потрясение и изматывающее внутреннее ставят героев перед самым важным вопросом: что есть истинный дом? И может ли человек одновременно достойно выполнять свои обязанности — мужа и отца, жены и матери, родителя и ребенка?

Произведение необычайного масштаба и душераздирающей интимности, «Вот я» утвердил Фоера в качестве одного из самых важных и талантливых писателей современности.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Мезин Н., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160570-4

Эрику Чински,
который смотрит сквозь меня,
и Николь Аражи,
которая видит меня насквозь

I
ДО ВОЙНЫ

НАЗАД К СЧАСТЬЮ

Когда началось разрушение Израиля, Исаак Блох выбирал между самоубийством и переездом в Еврейский дом. Он жил в квартире с книжными стеллажами до потолка и коврами, в ворсе которых могли без следа утонуть игральные кости; затем в квартирке-полупортке с грязным полом; в лесных хорах под равнодушными звездами; в погребке у христианина, для которого через три четверти века на другом конце света выросло дерево, увековечившее его праведность; а затем жил в норе, причем столько дней, что колени у него потом так и не разогнулись до конца; жил среди цыган, партизан и почти благочинных поляков; в лагерях для беженцев, мигрантов и перемещенных лиц; на корабле, где имелась бутылка с кораблем, который один страдавший бессонницей агностик чудесным образом внутри ее построил; на другом берегу океана, которого так и не переплыл до конца; над полудюжиной бакалейных лавок, на устройстве и продаже которых за малую цену гробил здоровье; рядом с женщиной, что без конца перепроверяла замки, пока не изломала их все, и умерла, состарившись, в сорок два без единого звука благодарности, но с клетками убитой матери, все еще делившимися в ее мозгу; и наконец, последние четверть столетия в тихом, заметенном снегом домике в Сильвер-Спринг: десятифунтовый Роман Вишняк, выцветающий на кофейном столике; «Враги. История любви» — кассета, размагничивающаяся в последнем исправном видеоманитофоне планеты; яичный салат, становящийся птичьим гриппом в холодильнике, залепленном, как мумия, фотографиями чудесных, гениальных, не страдающих от опухолей правнуков.

Немецкие садоводы подрезали семейное дерево Исаака до самой галицийской почвы. Но интуиция и удача без всякой помощи сверху помогли ему укорениться на тротуарах города Вашингтона, округ Колумбия, и увидеть, как дерево снова вытя-

нется и раскинет ветви. И если Америка не обернется против евреев — пока не обернется, поправил бы его сын Ирв, — это дерево будет ветвиться и будет давать отростки. К тому времени Исаак, разумеется, опять будет в норе. И пусть он так и не разогнет колен, и пусть никто не знает точно, сколько ему лет и насколько приблизились неведомые новые унижения, пришла пора разжать свои еврейские кулаки и признать начало конца. Признание от принятия отличает депрессия.

Даже не говоря о гибели Израиля, момент был вовсе неудачный: какие-то недели до бар-мицвы его старшего правнука, что Исаак считал чем-то вроде финишной линии собственной жизни с тех пор, как пересек предыдущую финишную линию — рождение младшего правнука. Но не ведаешь, когда старая еврейская душа освободит твое тело, а тело освободит лакомую однушку для следующего тела из списка очередников. Но годы не поторопишь и не удержишь. Опять же, покупка дюжины невозвратных авиабилетов, бронирование целого крыла в вашигтонском «Хилтоне» и внесение двадцати трех тысяч долларов депозита на бар-мицву, вписанную в календарь, еще когда шли последние зимние Олимпийские игры, не гарантируют, что все это произойдет.

По коридорам «Адас Исраэль» протопал табун пацанов, смеющихся, пихающихся; их кровь так и носилась от формирующихся мозгов к формирующимся гениталиям, а потом обратно, в антагонистической игре полового созревания.

— Ну серьезно, — сказал один, теряя «З», зацепившееся за небный расширитель, — с минетом одно только хорошо, что заодно подрочат тебе не всухую.

— Аминь.

— А иначе ты просто пихаешь в стакан воды с зубами.

— Что бессмысленно, — согласился рыжий паренек, у которого мурашки бежали от одной мысли об эпилоге «Гарри Поттера и Даров Смерти».

— Нигилистично.

Если бы Бог был и судил, Он простил бы этим шалопахам все, зная, что их обуревают стихии, и внешние, и внутренние, ведь и они по Его подобию.

Мальчишки примолкли, замедлив ход у питьевого фонтанчика, чтобы попятиться на Марго Вассерман. Говорили, что ее родители паркуют две тачки рядом со своим гаражом на три места, поскольку всего машин у них пять. Говорили, что ее карликовому шпицу не отрезали яйца и они здоровые, как дыньки.

— *Черт*, хотел бы я быть этим фонтанчиком, — сказал мальй с еврейским именем Перец-Ицхак.

— А я бы лоскутком, который вырезали из ее трусов с окошком.

— А я бы хотел накачать член ртутью.

Пауза.

— Это че еще за херня?

— Ну, — пояснил Марти Коэн-Розенбаум, урожденный Хаим бен Кальман, — типа... чтобы он стал как градусник.

— Суши его подкормишь?

— Да просто накачать бы. Да хоть как. Чуваки, вы же поняли зачем.

Четыре синхронных кивка, как у зрителей в настольном теннисе.

Шепотом:

— *Засунуть ей в задницу.*

Остальным повезло иметь матерей из двадцать первого века, которые знали, что температуру можно измерить электронным градусником в ухе. А Хаиму повезло, что внимание его товарищей что-то отвлекло и они не успели припечатать его прозвищем, от которого он нипочем бы не избавился.

Сэм сидел на скамье у кабинета рава Зингера, голова опущена, взгляд на раскрытые ладони, сложенные на коленях, как у монаха, изготовившегося идти на костер. Мальчишки оставались, и их отвращение к себе обратилось на него.

— Мы слышали, что ты написал, — начал один, ткнув в Сэма пальцем. — Это уже не шуточки.

— Поднасрал, брат.

Выходило странно, потому что обычно непомерное потоотделение у Сэма начиналось не раньше, чем угроза минует.

«Я это не писал, и я тебе не... — кавычки пальцами, — *брат*».

Он мог бы так сказать, но не стал. И мог бы объяснить, почему все было не так, как все думают. Но не стал. Вместо этого

просто стерпел, как всегда поступал в жизни по херовую сторону экрана.

По другую сторону двери рава, по другую сторону стола от рава сидели родители Сэма — Джейкоб и Джулия. Им совсем не хотелось там быть. И остальным не хотелось. Все там были против желания. Раву нужно было измыслить какие-то глубокомысленно звучащие слова о некоем Ральфе Кремберге, которого в два часа предадут земле. Джейкоб предпочел бы работать над своей библией для «Вымирающего народа», или обшаривать дом в поисках пропавшего телефона, или, на худой конец, полазить по интернету, вызывая прилив дофамина. И еще сегодня Джулия собиралась взять выходной, вышло все наоборот.

— Разве Сэм не должен быть здесь? — спросил Джейкоб.

— Думаю, лучше, если сначала поговорят взрослые, — ответил рав Зингер.

— Сэм взрослый.

— Сэм *не* взрослый, — сказала Джулия.

— Оттого что трех стихов не доучил в благословении после благословения после гафтара?¹

Не обращая на Джейкоба внимания, Джулия положила ладонь на стол рава и сказала:

— Разумеется, пререкаться с учителем недопустимо, и нам нужно найти способ как-то все уладить.

— В то же время, — сказал Джейкоб, — может быть, отстранение — чересчур жесткая мера за не *такой* уж, по большому счету, серьезный проступок?

— Джейкоб...

— Что?

Стараясь что-то сказать мужу, но не раву, Джулия прижала два пальца ко лбу и слегка качнула головой, раздув ноздри. Сейчас она больше походила на тренера третьей базы, чем на жену, мать и члена общины, пытающуюся отвести океан от песочного замка ее сына.

---

¹ Гафта́ра (*ивр.*) — отрывок из Книги пророков, который в некоторых иудейских общинах читает посвящаемый во время мицвы (*Здесь и далее прим. пер.*)

— «Адас Исраэль» — прогрессивная школа, — сказал рав, на что Джейкоб отреагировал закатыванием глаз, равно задумчивым и брезгливым.

— У нас долгая и славная традиция видеть дальше культурных норм, господствующих сегодня или вчера, находить божественный свет, Ор Эйн Соф, в каждом ребенке. Расовые оскорбления для нас серьезный проступок, без сомнения.

— *Что?* — переспросила Джулия, выпрямившись.

— Этого не может быть, — сказал Джейкоб.

Рав испустил долгий раввинский вздох и по столу подвинул Джулии листок бумаги.

— Он это *сказал*? — спросила Джулия.

— Написал.

— *Что* написал? — спросил Джейкоб.

Недоверчиво качая головой, Джулия ровным голосом прочла:

— Вшивый араб, китаеза, манда, япошка, педик, мекс, жид, слово на «н».

— Он написал «слово на „н”»? — вмешался Джейкоб. — Или само слово на «н»?

— Само слово, — ответил рав.

Хотя Джейкоба должны были занимать неприятности сына, его развлекло то обстоятельство, что только одно это слово не может быть произнесено.

— Тут, видимо, какое-то недоразумение, — проговорила Джулия, передавая наконец листок. — Сэм нянчится с животными до...

— *Цинциннатский галстук?* Это не расовое оскорбление. Это форма секса. По-моему. Кажется.

— Тут не только оскорбления, — пояснил рав.

— Знаете, я почти уверен, что и «вшивый араб» — это тоже форма секса.

— Мне остается только поверить вам на слово.

— Я к тому, что, может, мы вообще не так поняли этот список.

Вновь не слушая мужа, Джулия спросила:

— А что об этом говорит Сэм?

Рав запустил пальцы в бороду, выискивая слова, будто макака, выискивающая вшей.

— Он не признается. Категорически. Но до урока этих слов там не было, а за этим столом сидит только он.

— Это не Сэм, — сказал Джейкоб.

— Его почерк, — заметила Джулия.

— В тринадцать у всех мальчишек почерк одинаковый.

— Он не смог объяснить, как там оказался листок, — сказал рав.

— Он и не обязан, — заметил Джейкоб. — И кстати, если Сэм написал эти слова, то чего ради он оставил листок на столе? Дерзость доказывает его невиновность. Как в «Основном инстинкте».

— Но в «Основном инстинкте» она же и убила, — вступила Джулия.

— Она?

— Ножом для колки льда.

— Наверное, так. Но это кино. Ясно, все подстроил какой-то ученик, настоящий расист, затаивший злобу на Сэма.

Джулия обратилась к раву:

— Мы все сделаем, чтобы Сэм понял, почему его записка так оскорбительна.

— Джулия, — вступил Джейкоб.

— Достаточно ли будет извиниться перед учителем, чтобы не отменять бар-мицву?

— Именно это я собирался предложить. Только, боюсь, слухи об этой записке уже прошли в нашей общине. Так что...

Джейкоб громко и с огорчением выдохнул — привычка, которую либо он передал Сэму, либо сам перенял у него.

— И кстати, оскорбительна для *кого*? Огромная разница — разбить кому-то нос или боксировать с тенью.

Рав посмотрел на Джейкоба.

— У Сэма были какие-нибудь проблемы дома? — спросил он.

— Его перегружают домашними заданиями, — начала Джулия.

— Он этого *не* делал.

— И он стал готовиться к бар-мицве, а это, по крайней мере в теории, еще час каждый вечер. И виолончель, и футбол. А у его младшего брата Макса сейчас возрастной кризис, и это для всех испытание. А самый младший, Бенджи...

— Похоже, у него куча забот, — подытожил рав. — Тут я ему безусловно сочувствую. Мы много требуем от детей. Столько никогда не требовали от нас. Но боюсь, расизму у нас места нет.

— Конечно, — согласилась Джулия.

— Секунду. Теперь вы называете Сэма расистом?

— Я этого не сказал, мистер Блох.

— *Сказали. Только что. Джулия...*

— Я не помню точных слов.

— Я сказал: «Расизму нет места».

— Расизм — это то, что исповедуют расисты.

— Вы когда-нибудь лгали, мистер Блох?

Джейкоб инстинктивно еще раз пошарил в кармане пиджака в поисках пропавшего телефона.

— Полагаю, что, как любому живому человеку, вам пришлось говорить неправду. Но это не делает вас лжецом.

— Вы меня называете лжецом? — Джейкоб оплел пальцами пустоту.

— Вы боксируете с тенью, мистер Блох.

Джейкоб посмотрел на Джулию.

— Да, слово на «н», конечно, гадкое. Скверное, ужасное. Но оно ведь там одно из многих.

— По-вашему, в общем контексте мизогинии, гомофобии и извращений оно выглядит *лучше*?

— Только он *этого не писал*.

Рав поерзал на стуле.

— Если позволите, я скажу начистоту. — Он помолчал, помял большим пальцем ноздрю, как бы тут же отступаясь. — Сэму явно нелегко — быть внуком Ирвина Блоха.

Джулия откинулась на спинку стула, думая о песочных замках и синтоистских воротах, которые вынесло на берег в Орегоне через два года после цунами.

Джейкоб обернулся к раву:

— Простите?

— Как ролевая модель для ребенка...

— Это отличная модель.

Рав продолжил, обращаясь к Джулии:

— Вы, должно быть, понимаете, о чем я.

— Я понимаю.